

Источники и литература

1. Архивный отдел администрации городского округа Верхотурский. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 18.
2. Архивный отдел администрации Серовского городского округа (АОАСГО). – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 1.
3. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 2.
4. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 8.
5. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 10.
6. АОАСГО. – Ф. р-325. – Оп. 1. – Д. 13.
7. АОАСГО. – Ф. р-482. – Оп. 3-л. – Д. 2.
8. АОАСГО. – Ф. р-482. – Оп. 3-л. – Д. 3.
9. Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. р-1086. – Оп. 1. – Д. 2.
10. ГАПК. – Ф. р-1086. – Оп. 1. – Д. 6.
11. ГАПК. – Ф. р-1086. – Оп. 1. – Д. 9.
12. ГАПК. – Ф. р-1541. – Оп. 1. – Д. 7.
13. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. р-1517. – Оп. 1. – Д. 8.
14. ГАСО. – Ф. р-1518. – Оп. 1. – Д. 3.
15. Докладная записка УНКВД по Свердловской области наркомому внутренних дел СССР Г.Г. Ягоде о работе «по освоению спецссылки» в лесной промышленности области. 15 ноября 1934 г. // Политбюро и крестьянство : высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2 / отв.

ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. – М., 2006. – С. 748 – 754.

16. *Ильухов, А.А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917 – 1941 гг. / А.А. Ильухов. – М., 2010.

17. *Осокина, Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927 – 1941 / Е.А. Осокина. – М., 1999.

18. *Постников, С.П.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900 – 1941 гг. / С.П. Постников, М.А. Фельдман. – М., 2009.

19. *Постников, С.П.* Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 – 1941 гг.) / С.П. Постников, М.А. Фельдман. – Екатеринбург, 2006.

20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 7637. – Оп. 1. – Д. 5.

21. РГАЭ. – Ф. 7637. – Оп. 1. – Д. 86.

22. РГАЭ. – Ф. 7637. – Оп. 1. – Д. 137.

23. *Суслов, А.Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929 – 1953 гг.) / А.Б. Суслов. – М., 2010.

24. *Терехов, В.С.* Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации / В.С. Терехов. – Екатеринбург, 2003.

УДК 37.07

Е.А. Калинина

УЕЗДНЫЕ УЧИЛИЩА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В СИСТЕМЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье на основе опубликованных и архивных источниках рассматривается история создания уездных училищ в Олонецкой губернии в первой половине XIX в., которые являлись частью образовательного пространства губернского и уездного городов и играли значительную роль в провинциальной жизни. Однако при их организации встретились трудноразрешимые проблемы.

Народное просвещение, уездные училища, смотритель училищ, учитель, ученик.

The paper considers the history of creation of the district schools in Olonets province in the first half of the XIXth that considered to be the part of educational environment of the provincial towns and played an important role in provincial life.

National education, district schools, college supervisor, pupil, lecturer.

«Предварительные правила народного просвещения» (1803 г.) разрешали устройство и организацию уездных училищ в провинциальных городах страны: «В каждом уездном городе должно быть, по крайней мере, одно уездное училище» [13, с. 438]. «Устав учебных заведений, подведомых Университетам» 1804 г. определял цель этих школ как подготовку юношества для поступления в гимназии, и возможность детям «различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их промышленности» [18, с. 636]. В уездные училища с двухгодичным сроком обучения принимались «всякого звания ученики из училищ приходских» [18, с. 637]. При поступлении необходимо было предоставить аттестат об окончании приходской школы. Если же ребенок обучался дома или в пансионе, то он подвергался

вступительным испытаниям на знание письма, счета и чтения. Таким образом, эти школы являлись продолжением приходского училища и служили подготовительными заведениями для гимназии.

В начале XIX в. формирование уездных училищ проходило на базе уже существующих в то время Главных и Малых народных училищ в губернских и уездных городах. Правительство предполагало открыть в стране 405 таких школ. Их преобразование происходило постепенно и продолжалось в течение всей первой половины XIX в.: в 1808 г. в 486 уездных городах России имелось 126 школ в них обучалось 12 839 учащихся [6, с. 189], а в 1855 г. – уже 439 училищ (27 309 учеников) [15, с. 54 – 75]. Следует обратить внимание, что даже к середине XIX в. далеко не во всех уездах страны были открыты такие

школы. Например, в уездных городах Архангельской губернии в Пинега и Кола, в Вологодской – Ляльске, Вельске, Никольске, Красноборске, в Олонецкой – в Повенце, Пудоже и Лодейном поле уездные училища к этому времени так и не открылись. В этих городах действовали только приходские школы.

В уездных центрах Олонецкой губернии открытие училищ произошло только в четырех из семи уездов губернии. Малые народные училища были преобразованы сначала в 1808 г. – в Петрозаводске (из II и III классов Главного народного училища), затем в 1809 г. – в Вытегре (по приезду В. Березниковского – выпускника Педагогического института), а в августе 1810 г. – в Каргополе и Олонце.

Из-за острой нехватки педагогических кадров реорганизация трехклассных уездных училищ в провинции Российской империи по Уставу 1828 г. началась только с 1832 г. Одной из причин трудного положения дел в организации уездных училищ на местах явилось отсутствие денежных средств на нужды просвещения со стороны государства. «Предварительные правила» 1804 г. определяли, что уездные училища «будут содержимы из доходов городских обществ с достаточным положением от казны, где оное потребуется» [13, с. 441]. Все уездные училища были разделены на три разряда (в зависимости от дороговизны их содержания в разных губерниях). В губерниях первого разряда полагалось на содержание училища 1600 руб. в год; второго – 1410 руб.; третьего – 1250 руб. I разряд, куда были отнесены все северные губернии, сумма, выдаваемая на содержание училищ, равнялась 1600 руб. в год. Сюда входила оплата годовичного жалования штатному смотрителю – 400 руб., двум учителям – 600 руб. (по 300 руб. каждому), законоучителю – 100 руб., учителю рисования – 100 руб., кроме того, выделялось 400 руб. на содержание училищного дома и «прочих расходов» [12, стб. 33 – 34]. Суммы на училище отпускались по третям (три раза в год). Этих государственных ассигнований было крайне недостаточно для нормальной работы учебных заведений.

Пополнить бюджет школ правительство надеялось за счет финансовой помощи городских обществ и частную благотворительность дворянства и купечества. В 1804 г. Олонецкий губернатором В.Ф. Мертенсом были отпущены предписания во все уездные городские Думы с призывами к «благородным жителям» к пожертвованию на пользу просвещения и выделению материальных средств на организацию школ, чтобы они «собрали неукоснительно градское общество и отобрали от него, какое оно может давать пособие на содержание уездных училищ» [10, л. 8].

Однако на деле оказалось, что выделять деньги на содержание училищ городские думы не торопились. Содержать одновременно два училища (уездное и приходское) им было не под силу. Поэтому Думы предпочитали открывать приходские училища, считая, что государственных ассигнований на уездные училища будет вполне достаточно. Следует подчеркнуть, что отказы городских дум о выделении

средств на организацию этих школ были характерным явлением начала XIX в. Городские общества Олонецкой губернии «по бедности и малолюдству» в первой половине XIX в. не финансировали уездные училища.

Подобная ситуация была и в других провинциях России. Например, «На содержание уездных училищ по малости городских доходов сверх употребляемых ныне,... пособий сделать не могут» [2, л. 6 – 8], – сообщалось в решениях Холмогорского, Мезенского Онежского городских обществ Архангельскому губернатору П.Ф. Мартыанову в ноябре 1804 г. Такой же ответ был получен и от Шенкурского городничего: «особливо городских доходов не имеется» и поэтому необходимой суммы для училищного дома, жалования учителю и «на прочие надобности» по малому числу купцов и мещан нет [3, л. 14]. Только после посещения Архангельской губернии визитатором академиком Я.Д. Захаровым с целью обозрения учебных заведений, Мезенская и Холмогорская городская думы согласились выделить незначительные средства на содержание школ. Однако из-за отсутствия педагогических кадров открыть уездные училища в этих уездных городах так и не представилось возможности. Отметим, что открытие Архангельского уездного училища в губернии произошло в 1811 г., когда Архангельская городская дума согласилась выделить на нужды училища 133 руб. 39 ¼ коп. в год [4, л. 53 об].

В целях привлечения дополнительных финансовых средств со стороны благотворительной помощи в 1811 г. вышло в свет постановление Министерства народного просвещения «О почетных смотрителях», которое разрешало назначать почетных смотрителей в уездные училища из местных помещиков наиболее расположенных к наукам и гарантировало им некоторые льготы. Деятельность в роли почетного смотрителя приравнялась к государственной службе и давала возможность получения чина и наград. Кандидаты на эту должность утверждались министром народного просвещения. Следует обратить внимание, что «Устав» 1828 г. подтвердил полномочия почетных смотрителей уездных училищ, расширив их функции контроля над школами «для лучшего надзора за уездными училищами и содействия успехам благосостояния оных» [17, с. 1110].

Введенная плата в феврале 1819 г. за обучение в уездных училищах (10 руб. в год) могла внести изменения скудного материального положения училищ. В постановлении Министерства народного просвещения «О назначении платы за учение по тем училищам, где сие окажется нужным» отмечалось, что уездные училища, «оставаясь на одном содержании от казны по штату,... терпят в сем случае крайнюю нужду» [14, с. 286]. Однако из-за малочисленности учащихся в провинциальных уездных училищах надежды на получение таких добавочных денежных средств в школьный бюджет были зыбкими. В качестве привлечения финансовых средств училищным начальством использовались и публичные испытания учащихся. Так, при проведении открытых

испытаний после угощения посетителей в Олонецком уездном училище в 1815 г. было собрано 177 руб. [7, л. 92]. На эти деньги штатный смотритель А.Е. Гек приобрел для училища глобусы и географические карты.

На какие же нужды тратили уездные училища свои средства (1600 руб. в год)? Как правило, большая часть средств уходила на жалование педагогам, смотрителю и сторожу училищ. Так, в приходно-расходным ведомостям за 1824 – 1829 гг. Олонецкого уездного училища в статьях расхода на жалование учительскому персоналу значилась сумма: 891 руб. 25 коп. и сторожу – 95 руб. Остальные суммы расходования средств были направлены на наем училищного дома – 45 руб., на покупку свечей, дров и канцелярских принадлежностей – 260 руб., приобретение книг для училищной библиотеки – 405 руб. 25 коп.: всего 1296 руб. 50 коп. Остаток в сумме – 303 руб. 50 коп. отправлялся директору училищ для дальнейшего помещения этой суммы в банк дляращения процентов к училищному капиталу и считалась экономической суммой училища [8, л. 27]. Очевидно, что выделенных из казны средств хватало только на выплату самого необходимого: жалования учителям, покупку для школы дров, свечей. Заметим, что на пополнение учебно-материальной базы, библиотечных фондов, ремонта училищных зданий денег не было.

Таким образом, основное финансирование уездных училищ Олонецкой губернии на протяжении всей первой половины XIX в. осуществлялось из государственного казначейства. Пополнение школьного бюджета осуществлялось небольшими суммами от благотворителей и платы за обучение от воспитанников. Городские думы, как правило, ограничивались выделением денежных средств только на содержание городских приходских школ. При недостатке материальных средств, а также отсутствии педагогических кадров случались длительные перерывы в деятельности школ.

По утвержденному штатному расписанию (1803 г.) в уездном училище полагалось два учителя. Один преподаватель обучал всеобщей и российской истории, всеобщей и российской географии, арифметике, геометрии, физике, естественной истории, технологии и рисованию, второй – Закону Божьему, Священной истории, российской грамматике, правописанию слога и чистописанию. Отметим, что их недельная нагрузка составляла 28 часов в неделю. В учебном Уставе 1828 г. численность преподавателей в училищах увеличивалась до пяти: Законоучитель вел Закон Божий, Священную и Церковную историю, второй учитель преподавал русский язык, третий – арифметику и геометрию, четвертый – историю и географию, пятый – рисование, черчение и чистописание. Увеличение числа учителей, как указывалось выше, затрудняло и значительно увеличивало сроки реорганизации школ по новому Уставу.

Надзор за уездными училищами осуществляли штатные смотрители. Они обязаны были ежедневно посещать училища и наблюдать за общим ходом

учения, проверять ежемесячные отчеты учителей по успеваемости и посещению учащимися, заботиться о создании условий непрерывного процесса обучения в школе и снабжать учителей и учащихся учебниками и руководствами, производить испытания по окончании учебного курса. Во второй четверти XIX в. надзор над школами значительно усилился. Основные надзирающие функции по «Уставу» 1828 г. оставались за штатными смотрителями, которые проживали в училищном доме и обязаны были «о необыкновенных происшествиях немедленно доносить в вышестоящие инстанции» [17, с. 1109]. Кроме того, предусматривалось назначение штатных смотрителей из состава учителей на каждый уезд, а не как было ранее: один смотритель ведал учебными заведениями двух или трех уездов одновременно.

Устав 1804 г. утвердил учебный план уездных училищ (статья 85). В него были включены Закон Божий, российская грамматика, всеобщая и русская география, всеобщая и русская история, арифметика, начальные правила геометрии, начальные правила физики и естественной истории, начальные правила технологии, относящиеся к хозяйству края и его промышленности, рисование, изучение книги «О должностях человека и гражданина», – всего 15 учебных предметов. Курс обучения составлял 2 года. Такая многопредметность создавала непосильную нагрузку для учащихся и, по мнению многих деятелей народного образования, являлась одной из причин недостатка и неуспешности уездных училищ в начале XIX века. 8-10-летним учащимся трудно было разобраться в пестрой картине изучаемого материала, запомнить основные положения учебной программы. Очевидно, что поставленные «Уставом» 1804 г. задачи уездных училищ так и не достигли своей цели. «Опыт показал бесполезность такого учебного плана и невозможность выполнить его, если бы он даже имел за собою какое-либо педагогическое обоснование, почему в мое время многие предметы сошли с росписи» [11, с. 882], – вспоминал профессор Московского университета М.П. Погодин – выпускник уездного училища того времени.

Изменение учебного курса уездных училищ последовало в 1819 г. по предложению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уварова. В предложенный Главным Правлением училищ новый план учения для уездных училищ вместо 15 вошло 8 предметов: Закон Божий, Чтение из Священного писания, российская грамматика, чистописание, правило слога с письменными практическими упражнениями, краткая всеобщая и российская география, краткая всеобщая и российская история, арифметика и начальные правила геометрии и физики, рисование. Затем «Устав» 1828 г. отменил преподавание физики и естествознания и увеличил учебный курс до трех лет. Преподавание отдельных предметов усиливались введением практических занятий для учащихся. Например, по русскому языку больше часов уделялось на синтаксический и этимологический разбор слов, выучиванию прозы и стихотворений наизусть, а также письменному изложению

прочитанного и написанию собственных сочинений. По арифметике и геометрии авторами реформы предлагались задачи с практическим применением правил науки к реальной жизни. По истории значительное предпочтение оказывалось изучению русской, а не всеобщей истории [1, с. 204 – 206]. Таким образом, значительное сокращение числа изучаемых предметов, усиление внимания на практические занятия упрощало учебную программу и вселяло надежду на улучшение качества обучения учащихся в уездных училищах.

Как правило, уездные училища губернии не имели специальных оборудованных школьных помещений. Уездные училища помещались в одном доме с магистратом, сиротским судом, богадельней и другими заведениями. Чаще всего они располагались в училищных домах совместно с гимназиями, в общественных зданиях, принадлежащих Приказам общественного призрения, или в наемных домах городских обывателей и были явно не приспособлены для процесса обучения. Перемещение училищ, не имевших собственных зданий, зависело от произвола городских обществ, смотревших с недоверием на общественную школу. Например, Петрозаводское уездное училище до 1835 г. находилось в здании Олонецкой гимназии, а затем с 1835 г. переместилось в наемное помещение. Уездные училища в Вытегре, Олонце находились в наемных домах, Каргопольское в общественном здании. В сдаваемых в аренду частных домах небольшие по размеру комнаты (классные помещения) не могли вместить достаточное количество учащихся. Поскольку денег на содержание училищных зданий не выделялось и в течение длительного времени в них никакого ремонта не производилось, школьные помещения находились в плачевном состоянии.

Поставленные «Уставом» 1804 г. требования к уездным училищам были высоки. Многопредметность тормозила нормальное развитие школьной жизни и не удовлетворяла запросы сословного российского общества. Организация процесса обучения наталкивалась на непонимание обществом пользы получения грамоты для своих детей. Так в объяснении смотрителя училищ С.С. Полидорова старшему учителю Олонецкой гимназии М.И. Троицкому, обозревавшему Каргопольские уездное и приходское училища в июне 1815 г., сообщалось, что: «сами родители познания свои ограничивают чтением и письмом. Они так ведут и детей их, разве прибавят к тому начальные познания в арифметике. ...Бедность состояния не позволяют детям их оставаться долгое время в училищах. Два года учения их, а ежели более, превышает уже меру терпения их родителей. Частые к тому же в столь короткое время отлучки по домашним занятиям и промышленности, разумеется препятствуют утвердиться в юных понятиях самым даже первоначальным понятиям» [7, л. 393 – 395]. В связи с этим уездные училища в губернии долгое время оставались малочисленными (от 1 до 25 человек).

Устав 1828 г. некоторым образом изменил положение уездных училищ. Большинство учащихся в них составляли дети купцов, мещан, ремесленников и небогатых дворян. По Уставу эти школы перестали служить ступенью для гимназии, получили законченный вид, соответствовавший требованиям городского сословия, лишние предметы были исключены из учебного курса. Постепенно их численность выросла. Если в 1828 г. в Санкт-Петербургском учебном округе действовала 41 школа, то к 1855 г. было открыто 64 уездных училища [1, с. 162 – 163], [15, с. 54 – 75].

Однако эти изменения не повлияли на качество обучения и уровень успеваемости в уездных училищах был низким. Так, в 1836 г. при обозрении Олонецкой дирекции инспектором казенных училищ Санкт-Петербургского учебного округа П.П. Максимовичем из высказанных замечаний по учебной работе, в основном, касались уездных училищ. Например, Вытегорское училище, по мнению инспектора, находилось неудовлетворительном состоянии, несмотря на то, что «в Вытегре, как в торговом городе, должно стоять на лучшей степени устройства во всех отношениях». В училище «нет единства в направлении к образованию детей... Из Закона Божия дети почти ничего не знают» [9, л. 72 – 74 об]. В Олонецком уездном училище «законоучитель протоиерей Богославский преподает... географию и дети из нее почти ничего не знают. В русском языке, как в истории, дети слабы в арифметике также. Вообще Олонецкое уездное училище принадлежит к посредственным и причиной этого г-н инспектор полагает более то, что многие ученики карелы и мало понимают русский язык» [9, л. 72 – 74 об].

Характеристика уровня полученных знаний учащимися в уездных училищах Вологодской губернии была дана корреспондентом газеты «Вологодские губернские ведомости» Ф. Сбоевым «эти знания имеют больше частью только формальные, усвоенные памятью из бедных руководств... и потому очень естественно, что при выходе из школы в жизнь действительную, они забываются, как не отвечающие требованиям этой жизни» [16].

Несомненно, слабая профессиональная подготовка учителей уездных училищ оказывала негативное влияние на качество обученности учащихся. Большинство педагогов этих учебных заведений являлись выпускниками губернской гимназий. И даже имея значительный запас знаний по отдельным предметам, они не были знакомы с методикой преподавания, способами ведения уроков и педагогическими формами работы с учениками. Как отметил исследователь истории просвещения В.В. Григорьев, «Учителя уездных училищ, поступающие из гимназий, духовных семинарий... будучи незнакомы с педагогическими и воспитательными требованиями, ограничиваются в большинстве случаев только механической стороной учебного дела, ученики не получают требуемого развития, к тому же мало заботятся о воспитании» [5, с. 325].

В Олонецкой губернии добавлялась проблема отсутствия знаний русского языка среди детей-карелов. Ученики разговаривали на карельском, а их обучение происходило на русском языке, что, естественно, значительно затрудняло процесс обучения грамоте.

Таким образом, уездные училища являлись частью образовательного пространства губернских и уездных городов Российской империи и играли значительную роль в провинциальной жизни. Недостаточное финансирование государственных средств на их содержание, отсутствие каких-либо дополнительных ассигнований (от городских дум и благотворителей) ставило эти учебные заведения в тяжелое положение. Как показало время, улучшить их материальное положение можно было при помощи государственных средств. Только хорошо обустроенные учебные заведения, с соответствующей учебно-методической базой, подготовленными преподавателями могли привлечь общество обучать в них своих детей и жертвовать на нужды просвещения.

Источники и литература

1. Воронов, А.С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа с 1715 – 1828 гг. / А.С. Воронов. – СПб., 1849.
2. Государственный архив Архангельской области (ГААО) – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 333.
3. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 308.
4. ГААО. – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 1.
5. Григорьев, В.В. Исторический очерк русской школы / В.В. Григорьев. – М., 1890.
6. Князьков, С.А. Очерк истории народного образования в России до эпохи Александра II / С.А. Князьков, Н.И. Сербов. – М., 1910.

7. Национальный архив республики Карелия (НА РК) – Ф. 17. – Оп. 5. – Д. 1/1.
8. НА РК. – Ф. 17. – Оп. 5. – Д. 2/5.
9. НА РК. – Ф. 17. – Оп. 5. – Д. 6/13.
10. НА РК. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 21/166.
11. Погодин, М.П. Школьные воспоминания 1814 – 1820 гг. / М.П. Погодин // Вестник Европы. – 1868. – № 7 – 8.
12. Примерное исчисление сумм на ежегодное содержание Университетов, гимназий и уездных училищ в России // Сборник постановлений и инструкций по Министерству народного просвещения. – СПб., 1864. – Т. I. – Стб. 33 – 34.
13. Предварительные правила народного просвещения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVII. – СПб., 1830. – № 20597. – С. 437 – 443.
14. О назначении платы за учение по тем училищам, где сие окажется нужным // Журнал Министерства народного просвещения. – 1821. – Ч. 2. – С. 286.
15. Отчет министра народного просвещения за 1855 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1856. – Ч. 140. – С. 54 – 75.
16. Сбоев, Ф. Старая песня на новый лад / Ф. Сбоев // Вологодские губернские ведомости. – 1859. – № 13.
17. Устав гимназий и училищ уездных и приходских // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. III. – СПб., 1851. – № 2502. – С. 1097 – 1127.
18. Устав учебных заведений, подведомых Университетам // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVIII. – СПб., 1830. – № 21501. – С. 626 – 644.
19. Центральный исторический государственный архив (ЦИА СПб.) – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 847.
20. ЦИА СПб. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 4893.
21. ЦИА СПб. – Ф. 139. – Оп. 1. – Д. 1630.
22. ЦИА СПб. – Ф. 139. – Д. 1878.

УДК 930

В.В. Митрофанов

«ГОРЯЧО ПРЕДАННЫЙ ВАМ УЧЕНИК»: ПИСЬМА П.Г. ВАСЕНКО К С.Ф. ПЛАТОНОВУ

В материалах проанализированы оценки творческого наследия П.Г. Васенко в современной историографии. Публикуется вторая папка писем П.Г. Васенко, адресованных С.Ф. Платонову за 1905 – 1912 гг., иллюстрирующих многогранное сотрудничество выдающегося отечественного историка С.Ф. Платонова со своим талантливым учеником. Приводятся интересные факты коммуникативных связей в научном сообществе того времени, малоизвестные страницы биографических сведений как самих ученых, так и их близких.

С.Ф. Платонов, П.Г. Васенко, переписка, историография, периодизация, научное творчество, педагогическая деятельность, диспут, магистерская диссертация, письменный источник.

The article deals with the assessment of the creative heritage of P.G. Vasenko in modern historiography. The paper presents the second file of P.G. Vasenko's letters to S.F. Platonov at the period of 1905-1912. They illustrate the multifaceted cooperation of our outstanding national historian S.F. Platonov with his talented student. The author presents some interesting facts of communication in the scientific society of that time, little-known pages of biographical information of the scientists and their friends and relatives.

S.F. Platonov, P.G. Vasenko, correspondence, historiography, scientific work, pedagogical activity, dispute, Master's degree, written source.

Среди когорты талантливых учеников С.Ф. Платонова следует выделить одного из самых ему близ-

ких – П.Г. Васенко. Этот факт хорошо прослеживается и по творчеству, как показывают публикуемые